

УДК 159.9.01

В.Б. Хозиев

**Теория планомерно-поэтапного формирования П.Я. Гальперина:
перспективы обновления**

Аннотация:

В статье рассматриваются несколько принципиальных для теории планомерно-поэтапного формирования П. Я. Гальперина категорий предмета психологии, метода исследования, опосредствования и развития. Продемонстрирована актуальность концепции. Благодаря предмету и методу исследования, разработанным П. Я. Гальпериним, теория планомерно-поэтапного формирования продолжает оставаться востребованной как в теоретическом, так и в практическом и психотехническом аспектах.

Ключевые слова: теория планомерно-поэтапного формирования, опосредствование, консультативная практика, ориентировка, П. Я. Гальперин.

Об авторе: Хозиев Вадим Борисович, Государственный университет «Дубна», доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии; эл.почта: v_hoziev@mail.ru

На рубеже XX-XIX вв. гальперинская концепция стала одной из редких в психологии и в полном смысле слова *общепсихологических* концепций, содержащей в себе все необходимые категории для объяснения психологических явлений, их исследования и реализации концептуального потенциала на практике. Отметим ее неполный, но наиболее существенный реестр концептуальных категорий и особенностей:

- предмет психологии как ориентировочная деятельность [3; 4];
- планомерно-поэтапное формирование как метод исследования [5; 6; 7; 8; 9];
- авторская версия культурно-исторического принципа развития [10; 19].

Концепция П. Я. Гальперина оказалась способна не только объяснять психические явления и быть основой для исследований нового типа (конструктивных, формирующих),

но и работать во множестве областей практики: разворачивать необходимые условия становления действий и систем действий, формировать и преобразовывать ориентировку человека в тех сферах действований, где у него возникают очевидные проблемы в развитии, в обучении, в организации взаимодействия, в достижении высоких показателей профессионализма, эффективности восприятия, внимания, мышления и др. [11; 3; 1; 12; 13; 14; 15]. Именованная концепция по названию метода – это не только то, что роднит теорию планомерно-поэтапного формирования (далее – ТПФ) с психоанализом и более в психологии не отмечается, но и то, что коренным образом указывает на методическую суверенность и продуктивность подхода [1].

При этом очевидно, что любая значимая для психологии теория должна быть *жизнеспособной*, быть непременно на слуху профессионального сообщества, в центре дискурса, применяться, развиваться по мере усложнения задач и обретения исследователями и практиками новых средств. Невосприимчивые для идей и методических разработок ТПФ времена, а, возможно, недостаточная настойчивость самих авторов, как и сложность глубокого преобразования психологической реальности образования, здравоохранения, культуры и др. – таковы причины относительной нераспространенности ТПФ. Однако в нашем исследовательском и учебном вузовском процессе тлеющие угольки гальперинских идей, принципов и категорий продолжают оставаться основой множественных экспериментов подрастающих поколений психологов, направлениями и рекомендациями для их практики и важнейшей школой ответственности и психологического ремесла.

Поддерживать огонь было несложно, поскольку примечательной чертой концепции оказывается то, что принципы, методы и феномены из многих течений и концепций в психологии могут быть интерпретированы как частное следствие законов, правил и методических приемов, найденных и обоснованных в ТПФ. Историко-психологическая линия, берущая начало от самого П. Я. Гальперина, привычно соотносящего и сопоставляющего психологические факты в различных исследовательских схемах, создавала блестящий background для глубокого, контекстного понимания психологической науки и практики.

Поэтому рассмотрение психики как ориентировки, а *становления, формирования и развития* как процессов ее разворачивания, позволяло нашим студентам не только исследовать и создавать условия для порождения новых форм действий, но и

осуществлять необходимый феноменологический анализ, если требовалось понять, как возникла та или иная «ставшая форма». Кроме того, эффективность и продуктивность формирующих процедур в основном оказывалась на высоте, какие бы аспекты человеческого бытия с их помощью ни осваивались и совершенствовались. Конечно, если анализировать число публикаций по проблематике ТПФ, то признать до десятка статей в год нормальным положением современной теории не приходится.

Вместе с тем и забвением ТПФ эту ситуацию назвать нельзя, особенно если иметь в виду исторически сложившиеся обстоятельства. Поэтому не реанимация, но последовательное преподавание этой теории в рамках курса «Общей психологии», «Психологии развития», «Педагогической психологии», «Клинической психологии» и др. студентам-психологам, освоение техники формирования (например, студенты университета «Дубна» в учебном плане для освоения техники формирования выполняют практикум по формированию внимания у младших школьников с проблемами в осуществлении учебной деятельности; и еще целый ряд работ по применению формирования), широкое использование метода ТПФ для исследований и практических разработок – вот очевидный путь для возрождения интереса и понимания перспектив ТПФ новыми специалистами.

За 60 лет развития гальперинская концепция с различной мерой обстоятельности, последовательности и рефлексивности обрела множественные варианты исследовательского и психотехнического применения в различных видах психологической работы: в обучении, развитии, консультировании, реабилитации, психотерапии, коррекции и др. [19; 20; 21; 23; 26; 27]. Гальпериным был создан костяк, основа и особая философия ТПФ – всегда заботиться об испытуемых, их мотивации, ориентировке в задачах, в материале, в средствах действия, в партнере по совместной деятельности. Например, в методической традиции ТПФ родилось и постепенно достигло особого статуса важное условие, которое 50 лет назад никак не именовалось таким образом, а сегодня титул «гуманистическое» более чем применим к нему.

Речь о своего рода предподготовке к проведению формирования: об анализе возможностей испытуемого еще до участия в эксперименте. Это была не просто «диагностика», как сейчас принято категоризовать данную операцию, но «дух», обретение сотрудничества, личностная настройка всей предстоящей миссии. Задачей этого нулевого этапа было установление всего потенциала пациента: принять процедуру формирования,

способность «откликнуться» своей мотивацией на тот или иной вариант участия в опыте или образовательной практике, готовность к определенной, специально подобранной к личности семантике и прагматике схемы ООД, к индивидуальному или групповому ходу формирования и пр. Эта задача тогда представлялась исследователям вполне рутинной, в полном смысле слова подготовительной, тогда как сегодня можно говорить о том, что она приобретает вполне самостоятельное значение.

К примеру, это справедливо не только для привычных ТПФ задач обучения и развития, но и в клинико-психологической практике при решении различных задач нейропсихологической, психосоматической, патопсихологической, психотерапевтической, коррекционно-психологической реабилитации и абилитации. Если свести это условие к одному принципу, то все обстоит так, как в свое время сформулировал в качестве общего кредо для психологов А. Р. Лурия: необходимо осуществить поиск у подопечного «сохранных звеньев» и в начале работы опираться на них [17]. Содержательно и на языке ТПФ это означало установление у пациента имеющегося уровня ориентировки и опосредствования, опыта решения задач подобного вида, исходной мотивации участия в данном виде действий. Затем в существующей практике реабилитации начиналась своего рода психологическая комбинаторика, когда имеющиеся возможности пациента включались в новые функциональные связи, позволяя ему взглянуть на ситуацию с другой стороны (децентрироваться), снять, присвоить, опосредствовать, понять, принять новые средства ориентировки, преодолеть невозможность (дефицитарность, ограниченность, недоступность) действовать продуктивным образом.

Один из важнейших моментов обновления ТПФ – это более открытый дискурс в рамках культурно-исторической теории (далее – КИТ) Л. С. Выготского. Нам, по-видимому, еще предстоит преодоление искажений идеологемами советского периода категориального инструментария, объяснительных и доказательных моделей, а также практики (например, «крестовый поход» против сторонников педологии), проревизовать многие начала и фундамент КИТ и ТПФ.

Общий подход в психологии этих концепций даже интуитивно понимается как чрезвычайно близкий, возможно, даже не по используемым понятиям, но по духу, по основополагающим исследовательским принципам и методам, по близости идеи

опосредствования¹. Но кому же, как не нам, восстановить и объективировать эти моменты, поскольку опыт показывает (мы помним попытку М. Коула обобщения КИТ), что для понимания КИТ нужно быть представителем культуры, в условиях которой она возникла [16].

Другое дело, что даже братья-гуманитарии не рассматривали культуру как психологически насыщенную иноформу средств человеческой ориентировки, естественным образом опасаясь обвинений в идеализме, да и в целом не имея средств и инструментов психологической квалификации культуры. Во многом искусственный и даже навязанный логиками, семиотиками, искусствоведами, философами и др. спор о природе знака, символа и орудия далеко уводил психологов, как представляется, от важного психологического обобщения: знак и символ есть формы фиксации прежде всего *ориентировочного* значения для конкретного человека с его жизненной историей, сообщества, этноса. Психологу, когда он обращался к анализу средств культуры, приходилось пользоваться лекалами других наук и теорий, в то время как первейшими определениями культуры являются психологические, применительно к ориентирующим значениям, которые они несут в человеческой практике.

Догадка о том, что культура есть идеальный и материальный слепок психики, ее универсальное средство (система средств), ее общественный предвестник и внутри себя вполне целостная система – питательная среда для развития каждого, кто адекватно бытийствует в этой культуре – еще не стала рабочим средством исследующего или практикующего психолога. Продолжим эту гипотезу, которая будет важна нам в дальнейшем обсуждении возможностей и перспектив ТПФ. Опредемечивание (культуризация) и распредмечивание (индивидуальное открытие) важнейших ориентиров есть вдыхание и выдыхание культуры. Первой стадией опредмечивания выступает рождение «ориентировочного значения». Оно еще далеко от общественно-определенного, т.е. культурой предписанного для вещи, ситуации или обстоятельств. Это «ориентировочное» значение похоже на стадию синкрета из опытов Л. С. Выготского и

¹ Как раз историко-психологические находки забытых текстов сулят нам немалые открытия. М. С. Степановой опубликован текст обобщающих тезисов П. Я. Гальперина о сути КИТ [10]. Важнейшая деталь целого паззла позволила увидеть весь проект выстраиваемой тогда еще «исторической» психологии, но в то время уже без Л. С. Выготского. *Развитие, культура, опосредствование* как основные операционные категории осмысления психологической феноменологии, запрет для себя на использование метода «срезов» и явная позиция «мы» в отношении продолжения разработки психологии вслед за Выготским и на его платформе.

Л. С. Сахарова в постижении школьником сути открываемой вещи (предмета, средства, мотива, отношений и др.). Оно неполное, несущественное, но уже немного ориентирует, важно, что деятель принял для себя задачу.

Далее общественная практика очень сурово проверяет *in vivo*, что себе «начувствовал, намыслил» и как сориентировался конкретный человек или конкретное сообщество, уточняет, корректирует, поправляет или в случае ошибочности приговаривает к безуспешному жизненному сценарию. Тогда – небытие. Так, шаг за шагом, важнейшие ориентиры, прошедшие через фильтр индивидуальной ориентировки, в ходе совместной деятельности (практики и общения) через посильные орудийные или знаковые системы формировали различные аспекты культуры. Легко заметить, как и почему не совпадают культурные средства у разных народов и конкретных людей, какова их эффективность в определенных условиях и на какую ориентировку эти средства рассчитаны.

Приведем следующий пример. Традиционно в ТПФ, при построении формирования системы профессиональных действий (профессиональной деятельности), прежде происходит установление всего состава ориентировки у «ставшего» профессионала. Этот состав не описан в существующих нормативных материалах, поскольку их составляют профессионалы значительно менее существенного уровня, чем «мастера», и сами не могут выявить его. А «мастера» не могут проговорить (описать, объяснить) эти ориентиры, потому что они уже сокращены, свернуты, обобщены и ушли из сознания [24]. Этот состав ориентиров – неявное, т.е. логически не упорядоченное, специально не выстроенное, но, безусловно, важное для тех, кто пойдет этому мастерству учиться, знание. Как оно возникает? Если кратко, то предметная логика профессиональных событий переходит по мере накопления и обобщения опыта работы в логику ориентировки «мастера». Образуется тождественность профессионала и управляемого им объекта (процесса). Это и есть метаморфозы психологического «обращения» культуры: сложное соединение изначальных возможностей человека сориентироваться в проблемных ситуациях, понимание и принятие им в рамках развития новой системы ориентиров, точно отражающих функционирование объекта, и преобразование своих действий на основе новых ориентиров [24; 25].

Этот пример к тому, что дилемма «внешнее – внутреннее» без понимания культуры как организма опосредствования всякий раз оказывалась робинзонадой. «Внешнее»,

объектное не есть абсолютно отчужденное и бесконечно новое даже для впервые познающего его начинающего. Как в замечательном афоризме Л. С. Выготского, у новорожденного есть в момент рождения все необходимые условия для достижения зрелой формы, так и в обозначенном нами случае предшествующая ориентировка «мастера» уже наработала, хоть и через труднейший экспертный анализ, но отметила основные ориентиры, так что *tabula rasa* вовсе не чистая.

Примечательно, что путь, состоящий в моделировании одновременно и развития, и анализа (прослеживания становления) структуры становящихся психологических, т.е. выполняющих функцию ориентировки, форм, оказывается новым и неизученным. Именно поэтому зачастую нам, как исследователям становящихся форм ориентировки у профессионалов высокого уровня, часто задавались вопросы о соотношении предметного содержания и психологического. Оппонентами полагалось, между прочим, совсем в русле старой, вундтовско-титченеровской психологии, где это разделение предметного и психологического было принципиальным, что предметность предметностью, а психологическое где-то в виде грандиозных эвристик, чувств и мотивов должно существовать.

Сегодня наше представление о проблеме «предметного и психологического» таково: ориентировка у профессионала органично включена в предметное действие. Все ориентиры, подчеркнем: *вообще все*, есть предметные моменты действий, лишь в силу своей значимости для профессионала ставшие ориентирующими. Перерастет ли значение в конкретный ориентир будет зависеть от того, в какой степени и каким образом это значение будет раскрыто: с помощью эксперта, в ходе совместной деятельности, при использовании дополнительных ориентирующих инструкций и пр. Предметность снимается ориентировкой деятеля, и все дело здесь именно в характеристиках этого снятия: происходит ли оно обобщенно, с учетом всего предшествующего опыта человека, верно ли оно, не препятствует ли «мелодии» (целостности, ритмичности) исполнения.

Завершим этот фрагмент повествования, посвященный сложному соотношению культуры и ориентировки конкретного человека, обсуждением афоризма К. Маркса, который, трудно сказать, был ли любим П. Я. Гальпериным, либо просто часто использовался. Вчитаемся в него и вспомним, с каким чувством П. Я. Гальперин озвучивал этот афоризм: «Идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Конечно, любой афоризм неисчерпаем в части

множества смыслов, но наряду с указаниями на процесс в нем содержится прямое указание на *работу* культуры. Это указание о том, каким образом происходит формирование деятельности, в том числе через систему общественных ориентиров, управляющих ею.

Но как это идеальное становится индивидуальной ориентировкой? При всей кажущейся невзрачности методической схемы и нестатистической обеспеченности результатов Л. С. Выготский абсолютно верно поставил задачу: его совместное с Л. С. Сахаровым исследование спонтанного становления понятий как раз отвечает на этот вопрос. Ставит, конечно, целый ряд самостоятельных и не менее важных вопросов, но, тем не менее, в общих чертах обозначает движение психики с помощью понятий через культуру. Представляется, что это исследование вправе считаться первым и основополагающим в КИТ. Все последующие работы вокруг того, как начинающий входит в какую-либо новую для него предметную область (проведенных в разных направлениях и разделах психологии и педагогики) всегда дают примерно одну и ту же эмпирическую картину: от синкрета к понятию через ряд качественно различных стадий. Это может касаться восприятия, внимания, мышления, памяти, движения, воображения, воли, эмоций, решения личностных задач, при разных возможностях испытуемых возможен разный темп и глубина открытия культуры через существенные ориентиры, но общий закон становления понятий в целом остается стабильным.

Возможны и иные формы *окультуривания*, а, значит, и развития психики. В частности, формирование по второму типу показывает, как возможно перешагнуть через спонтанность поиска ориентиров и сразу перейти к полноценному их развертыванию. Таким образом, если охарактеризовать способ превращения идеального в человеческое действие, то несложно увидеть множественность градаций участия идеального в продуктивности человека: от вдохновения идеальным до полного его отвержения; от присвоенной ошибочности действий до предвосхищения и коррекции своих действий, от эмоционального подъема до эмоционального снижения. Поэтому афористическое психологическое решение этой важной марксовской формулы нам видится таким: *идеальное есть ориентирующее человека материальное*.

Одним из важнейших моментов развития любой теории становится реакция на критику. В ряду известных нам относительно недавних критических замечаний был ряд соображений В. П. Зинченко об использовании в ТПФ суженного понимания предмета

психологии [22]. В точной формулировке звучит так, что Гальперин «отличил психическую деятельность от точно такой же предметной, но не-психической деятельности по одному единственному параметру, – по функции ориентировки. Не слишком ли расточительно конструировать компас такой же сложности, как корабль? А уж если сконструировали такой сложный аппарат, то не стоит ли придать ему еще какие-либо функции, помимо отражательных и ориентирующих? В том числе и функции порождения того самого субъективного мира человека, которым должна заниматься настоящая психология» [22, с. 410].

Конечно, надо оговориться, что критика сугубо «товарищеская», адресована, скорее, продолжателям и последователям ТПФ, а изложение замечаний В. П. Зинченко вел в рамках очерка о П. Я. Гальперине, где ключевой его оценкой выступает титул Учителя, сопровождающийся превосходными характеристиками научного и педагогического пути основателя ТПФ.

Приведем еще несколько существенных ремарок: «не менее странно отрицать другие функции психики и сознания, например то, что последние оказываются источником произвольного, свободного, а не только ситуативного действия, в пределе – источником свободы воли. Конечно, свобода воли – предмет философии, но и психология вносит в решение этой вечной проблемы посильный вклад. П. Я. Гальперин совершенно справедливо заключает, что эмоции выполняют ориентирующие функции, но не лишне прислушаться к А. В. Запорожцу, который рассматривал эмоции как средство решения жизненных задач, а не только ориентировки в ситуации. И как ядро личности!» [22, с. 396].

В ТПФ функциональная определенность психики задается именно через указание на ее ориентировочный, ориентирующий характер. Установление определенности – важнейшее универсальное условие для успешной оценки ситуации субъектом, принятия решения и действия в ней с сиюминутным контролем и коррекцией. Возможно, критический пафос этого замечания заключен в указании на физиологическую редукцию психологического предмета и метода? Но этого нет в помине. Гальперинская идея об уровнях анализа (физиологический, психологический) вполне спасает от редукции психологического объяснения к физиологическому. Следует признать, что сегодня нет лучшего термина для характеристики предмета психологии. Тот факт, что под эгиду этого предмета не попадает кажущаяся столь тонкой душевная материя переживаний, эмоций и

пр. объясняется тем, что интерес исследователей в ТПФ еще не распространился на эти сферы.

Вместе с тем практика психологического консультирования вынуждена заходить в области души подопечных столь глубоко, чтобы понять, в конечном счете, почему в истории человека возникла, например, та или иная гротесковая и безудержная, всеразрушающая эмоциональность, которая по суровым законам психосоматики последовательно ведет его к некоторым соматическим пределам жизни [23].

Эмоции ориентируют так же, как когнитивные и волевые процессы. Для каждой формы ориентировки свойственен свой порядок развертывания, свое течение и свои итоговые результаты; ориентировка в нормах и ценностях, в нравственных основаниях грядущего поступка, конечно, будет иметь иную историю, структуру и порядок функционирования, нежели ориентировка в пространстве и во времени. Но, во-первых, сюжеты мировой литературы показывают нам ситуации, когда эти основания для героев сближаются, и ценность становится пространственно или временно существенной, и наоборот, пространство и время (полцарства за коня!) нередко восходят к статусу ценностей.

Во-вторых, явление обобщения неизбежно переводит любой найденный ориентир в систему ориентиров, а затем и в категориальную иерархию. Такого рода восхождение одновременно движимо ориентировкой человека, культурной упорядоченностью и согласованием с индивидуальными нормами и здравым смыслом. Наконец, в-третьих, принцип развития – это настоящее «третье» измерение, введенное в психологию Выготским, означает, по Гальперину, что в процессе формирования или спонтанного становления ориентировки происходят систематические изменения ее форм, состава и строения [3; 5].

Конечно, есть еще замечание историко-психологического характера, что термин «ориентировочно-исследовательская» был заимствован по идеологическим соображениям, когда в духе Павловской сессии 1950 г. происходило добивание всех недостаточно материалистических воззрений в советской психологии. Как пишет В. П. Зинченко, «психологам было *приказано* следовать павловскому учению о высшей нервной деятельности. Психологи, сориентировавшись, нашли в концептуальном аппарате И. П. Павлова понятия «ориентировочный рефлекс», «ориентировочно-исследовательская деятельность», которые им были хорошо известны и до сессии под этими и другими

именами: любопытство, исследовательское поведение, пробы и ошибки, та же ориентировка» [22, с. 397].

Возможно, этот термин несет субъективный дух того времени, однако тонкий вкус на эмпирию, знание и понимание животных в физиологических лабораториях И. П. Павлова, как нам представляется, позволяют вполне подхватить и использовать термин «ориентировка», тем более, что физиологи в этом термине подходят к пределу компетенции своих методов. Они констатируют ориентировочно-исследовательский характер высших форм активности животных и человека как бы обозначая цель изучения для психологов. Термин «деятельность» в этом словосочетании лишний, поскольку тогда принципиально не различить характеристики психики животных и человека. Скорее всего, именно его добавление давало своего рода индульгенцию от дополнительной «прививки марксизмом». Во всяком случае, стилистика гальперинского чередования терминов «ориентировка» и «ориентировочная деятельность» во «Введении в психологию» указывает на их смысловую равнозначность.

Особая идея КИТ и ТПФ – параллелограмм опосредствования. На лекциях П. Я. Гальперин, рассказывая о значении проведенного под руководством Л. С. Выготского исследования А. Н. Леонтьевым развития памяти, неоднократно оговаривался в том смысле, что параллелограмм опосредствования фиксирует родовой характер развития, а как дело обстоит с траекторией индивидуального опосредствования? В проведенном под нашим руководством исследовании Т. И. Мамкиной удалось показать, что индивидуальный акт опосредствования (развития) тоже похож на параллелограмм, но имеет некий период нестабильности с флуктуацией результатов запоминания до того момента, когда средство будет окончательно освоено испытуемым [18].

Общая закономерность развития памяти, выявленная А. Н. Леонтьевым в результате экспериментального исследования опосредствования памяти и представленная в виде параллелограмма развития, оказывается справедливой для условий макрогенетического (статистического) анализа определенной возрастной популяции, тогда как индивидуальный ход развития опосредствования отличается от нее. Результаты индивидуального принятия, присвоения и применения вспомогательных средств в ходе становления высших психических процессов запоминания, внимания и формирования новых видов деятельности имеют существенные отличия от средних значений групповых показателей во всех возрастных группах.

Стало понятно, что микрогенез опосредствования – процесс нелинейный. Освоение средств не происходит «тихо и спокойно», но в ходе качественных преобразований ориентировки каждого конкретного испытуемого, при которых на всех этапах онтогенеза внутри возрастных групп и в индивидуальном опыте одновременно будут представлены различные этапы освоения вспомогательных средств. При этом выбор, принятие и присвоение того или иного средства не зависят от физического возраста испытуемых, но связаны с полнотой ориентировки (переориентировки) испытуемого в имеющемся инструментальном наборе и обстоятельствах решаемой задачи.

Микрогенез опосредствования не повторяет макрогенез, открытый и описанный А. Н. Леонтьевым в исследовании памяти как возрастную тенденцию, выраженную в образе «параллелограмма развития памяти». При подтвержденной нами этой возрастной тенденции в процессе принятия и использования внешних вспомогательных средств у испытуемых существует индивидуальная динамика, а внутри каждой возрастной группы наблюдается значительный разброс в индивидуальных показателях по сравнению со среднегрупповыми в процессе решения поставленных перед испытуемыми задач.

Исследование индивидуальной траектории становления действия в процессе опосредствования в составе ряда других действий и деятельности в целом становится необходимым моментом познания его развития. Использование традиционных срезовых методов для изучения микрогенеза опосредствования предоставляет для анализа только статистические данные, скрывая детали, этапы и качество освоения. Для раскрытия своеобразия генезиса опосредствования может быть использован генетико-моделирующий эксперимент в варианте Л. С. Выготского – А. Н. Леонтьева и планомерно-поэтапного формирования, позволяющий полно и точно представить этот процесс [18].

Методы продольных и поперечных срезов позволили лишь в самых общих чертах установить тенденцию в основном «семиотического» функционирования средств, тогда как детализация смены форм ориентировки с помощью средств, – психологическая тенденция, – была обнаружена лишь в ходе двойной стимуляции и формирующего эксперимента.

Отметим, что суверенную роль опосредствование впервые обрело в экспериментах по методике двойной стимуляции, проведенных Л. С. Выготским и его последователями. Этим экспериментам было свойственно то, что процесс выполнения задания путем

введения определенных вспомогательных средств был преобразован в генетический метод, что позволило Выготскому говорить о системе высших психических функций, становящейся и преобразующейся благодаря использованию орудий, а освоение объяснять через интериоризацию средств из интер- в интрапсихическое состояние.

Идеи экспериментально-генетического метода, воплотившиеся в планомерно-поэтапном формировании и генетико-моделирующем исследовании – это только начало революционизирующей тенденции в гуманитарных науках. Все чаще и чаще в современном человекознании речь заходит о моделировании развития языка, моделировании исторических и этнических событий и др. Конструктивность последовательно входит в постпозитивистский этап развития науки, постепенно преодолевая механоцентрическое представление о человеке как исключительно объекте или субъекте исследования.

Психология, как видится в перспективе, есть наука об этом переходе: от непсихологического к психологическому и затем вновь к непсихологическому. Объектом исследования становятся не предметы, слова, знаки или символы, но довольно сложная реальность переструктурирования, изменения, снятия, преодоления и развития. Даже однократное использование средства означает движение: обобщение, свертывание, автоматизацию некоторых моментов ориентировки и исполнения. Примечателен опыт применения ТПФ, когда переход между средствами выступает условием, обеспечивающим движение и развитие. Это касается познавательной деятельности, физического движения, эмоционального реагирования и т.д. [21; 26].

Опосредствование – это иная культура гуманитарного исследования. Это настоящий «постмодерн в психологии», когда наряду со средством разворачивается его рефлексия. Когда не один, но целый ряд принципов участвуют в психологическом преображении человека, и каждый из них имеет свою сложную траекторию. Ключевым оказывается даже не преодоление постулата непосредственности, хотя это есть важнейший момент в истории гуманитарной науки. Но еще важнее – принцип развития, когда происходит снятие, преодоление, переход, обращение. Происходит движение самого предмета исследования. Нет ни одного застывшего момента ни в одной психологической форме – тотальный переход и движение. И позиция исследователя должна быть подвижной, идущей в такт происходящим преобразованиям подопечного, отражающей, опережающей их, корректирующей, поддерживающей и т.д.

Л. С. Выготский одним из первых психологов предвидел, что психология вынуждена будет быть системной и сложной, т.е. не упрощающей действительность сведением ее к примитивным пошаговым элиминациям и упрощениям, но, напротив, умеющей учесть многие опосредствующие нюансы. Психология развития и клиническая психология в этом самой внимательности к тонкостям и деталям высвечивают ключевой момент: опосредствование может быть исследовано лишь в движении, в обучении или развитии, возможно, в откате (распаде). Здесь для исследования уже не подходит экспериментальная культура позитивизма, но нужна диалектическая логика выделения причины осуществляемых изменений.

Опосредствование – есть акт развития. Средство вторгается в субъективное пространство, изменяет, преобразует, возмущает. Феноменология опосредствования дает широкую панораму отношений, в которых может находиться со средством наш клиент. Средство может быть невключенным в деятельность, хотя и формально использоваться. Оно может быть частично включенным, тогда есть самые разные варианты: когда оно становится доминирующим, ведущим развитие; когда оно продолжает оставаться ситуативным, т.е. используется лишь в известном для человека круге ситуаций. Наконец, может иметь место фиксированность личности на используемых ими средствах. Нередко это характеризуется как консерватизм, нередко может быть знаком выученной беспомощности, особенно в тех случаях, когда другой человек становится средством.

Что же может быть средством с точки зрения психологии? Система ориентиров, существенных для конкретного человека в конкретном месте и времени. Особенность этих ориентиров – реально конституировать действие. Действие состоит из множества моментов, каждый из которых так или иначе нуждается в ориентирах. Это касается и запуска автоматизированного действия, т.е. вроде бы нуждающегося в психическом контроле, и развернутого действия, поскольку здесь ориентиры нужны не только на запуск действия, но и на текущие проверки действия на соответствие намеченным (или еще только намечаемым) ориентирам.

Может ли предмет стать психикой? Нет, только в своей ориентирующей возможности. Грибники вешают цветную бутылку в лесу, чтобы позднее найти тропу из леса, охотники – ломают ветку и горизонтально ее приспособливают так, чтобы «была заметна» в направлении движения к своей тропе и др. Чтобы так воспринять бутылку или

ветку, нужно быть включенным в систему знаний грибников и охотников, и в ее язык, т.е. иметь возможность использования вещи как знака (или какого-то свойства вещи).

Еще один важный параметр – ориентировочный потенциал средства. В какой степени само средство может сориентировать? Обратимся к исследованиям П. Я. Гальперина и Д. Б. Эльконина (предметные действия в раннем детстве и у дошкольника), в которых показаны стадии овладения средствами [2; 28; 29]. Вещь, входя в структуру нового действия ребенка, меняет систему ориентиров, как писал Гальперин, – «логику движения руки». Термин «логика» здесь используется в метафорическом плане, так что переход от логики руки к логике орудия в действительности есть переход к новой системе ориентиров, т.е. к новой психологии.

Нечто подобное происходит, в частности, в ходе психотерапии, если ее понимать как систематическое опосредствование. Патогенная эмоциональность наших пациентов, являющаяся причиной их психосоматических эпизодов, расстройств и заболеваний, в психологическом отношении выступает прямым следствием их недоориентировки и дезориентировки в жизненно значимых ситуациях. Преодоление нарушений в сфере ориентировки в условиях множественного опосредствования и есть в частности миссия психотерапии психосоматических расстройств.

Консультативная и психотерапевтическая практика сегодня – это прима психологии. Дело даже не в колоссальном спросе общества на психологическую помощь: на консультирование, психотерапию, психологическое сопровождение. Если сравнивать по объему публикаций, то, скорее всего, исследования ощущений, восприятия, памяти и пр. все так же будут доминировать по частоте встречаемости, как это было во времена В. Вундта.

Однако надо представлять, что значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, надежно занятой ею в современной культуре. Принципы конфиденциальности, неиспользования результатов консультаций для решения иных задач, профессионализма, коллегиальности внятно говорят о необходимости объективной закрытости этой области человеческого духа. Невидимая миру работа в основном идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Представляется, что это и есть «кризисный» ответ на ставшие уже афористическими слова Л. С. Выготского: «промышленность и войско, воспитание и лечение оживят и реформируют науку». Сегодня, перефразируя, можно сказать, что

психологическое консультирование оживляет и реформирует науку. ТПФ, благодаря предмету и методу исследования, созданным П. Я. Гальпериным, оказывается востребованной в своем научном, практическом и психотехническом потенциале.

Библиографический список:

1. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
2. Гальперин П. Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Психология как объективная наука. М.; Воронеж: НПО Модек, 1998. С. 37-93.
3. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Психология как объективная наука. М.; Воронеж: НПО Модек, 1998. С. 272-317.
4. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Московского университета, 1976. 150 с.
5. Гальперин П. Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 25-32.
6. Гальперин П. Я. Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4. С. 128-135.
7. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Московского университета, 1985. 44 с.
8. Гальперин П. Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий»: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1965. 50 с.
9. Гальперин П. Я. Поэтапное формирование как метод психологического исследования / П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, С. Н. Карпова // Актуальные проблемы возрастной психологии. М.: Издательство Московского университета, 1978. С. 93-110.
10. Гальперин П.Я. Система исторической психологии Л. С. Выготского и некоторые положения к ее анализу (тезисы) // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5, № 1. С. 118-123.

11. Гальперин П. Я. Экспериментальное формирование внимания / П. Я. Гальперин, С. Л. Кабыльницкая. М.: Издательство Московского университета, 1974. 102 с.
12. Грехова И. П. Стихотворная речь как форма развития детской речи. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: 1998. 23 с.
13. Гузич М. Э. Психолого-педагогическое обеспечение проектной формы обучения (на примере естественнонаучного проекта «Мой дом»). Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 24 с.
14. Дзетовецкая С. В. Развитие родительской рефлексии в условиях «Родительской школы» Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Калуга, 2003. 32 с.
15. Иванчихина Е. В. Развитие самосознания подростков в проектной форме обучения словесному творчеству. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Калуга, 2003. 32 с.
16. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997. 432 с.
17. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М.: МГУ, 1962. 432 с.
18. Мамкина Т. М. Макро- и микрогенез опосредствования. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007. 28 с.
19. Нечаев Н. Н. Роль теории поэтапного формирования в развитии методологии деятельностного подхода // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2012. № 4. С. 23-42.
20. Плеханова Н. П. Психологические условия формирования индивидуального имиджа. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007. 27с.
21. Самойлова М. В. Развитие понимания и порождения метафоры у школьников. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 22 с.
22. Стилль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под. Ред. Т. Г. Щедринной. М.: РОССПЭН, 2011. 640 с.
23. Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. Т. 2, № 1. 2007. С. 190-206.
24. Хозиев В. Б. Опосредствование в теории и практике культурно-исторической концепции // Культурно-историческая психология. 2005. №1. С. 25-36.

25. Хозиев В. Б. Практикум по психологии развития, педагогической психологии и психологии аномального развития: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2020. 768 с.
26. Хозиев В. Б. Становление сложного действия как проблема психологии развития / В. Б. Хозиев, О. В. Фролова // Сборник научных трудов. Вып. 15: в 3 ч. Ч. 3. Психология. Педагогика. Лингвистика. Сургут: Изд-во СурГУ, 2003. С. 76-86.
27. Хохлова Н. И. Оригами как пропедевтика к формированию системы геометрических понятий Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 24 с.
28. Эльконин Б. Д. Л. С. Выготский – Д. Б. Эльконин: знаковое опосредствование и совокупное действие // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 57-63.
29. Эльконин Б. Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2010. 279 с.

Khoziev V.B. The theory of systematic and step-by-step formation by P.Ya. Galperin: prospects for renewal

The article discusses several categories of the subject of psychology, research method, mediation, and development that are fundamental to P.Ya. Galperin's theory of systematic and stage-by-stage formation. Because of the subject and method of research developed by P. Ya. Galperin, the theory of planned and phased formation continues to be in demand both in theoretical and practical and psychotechnical aspects.

Keywords: theory of systematic and step-by-step formation, mediation, advisory practice, orientation, P.Ya. Galperin.